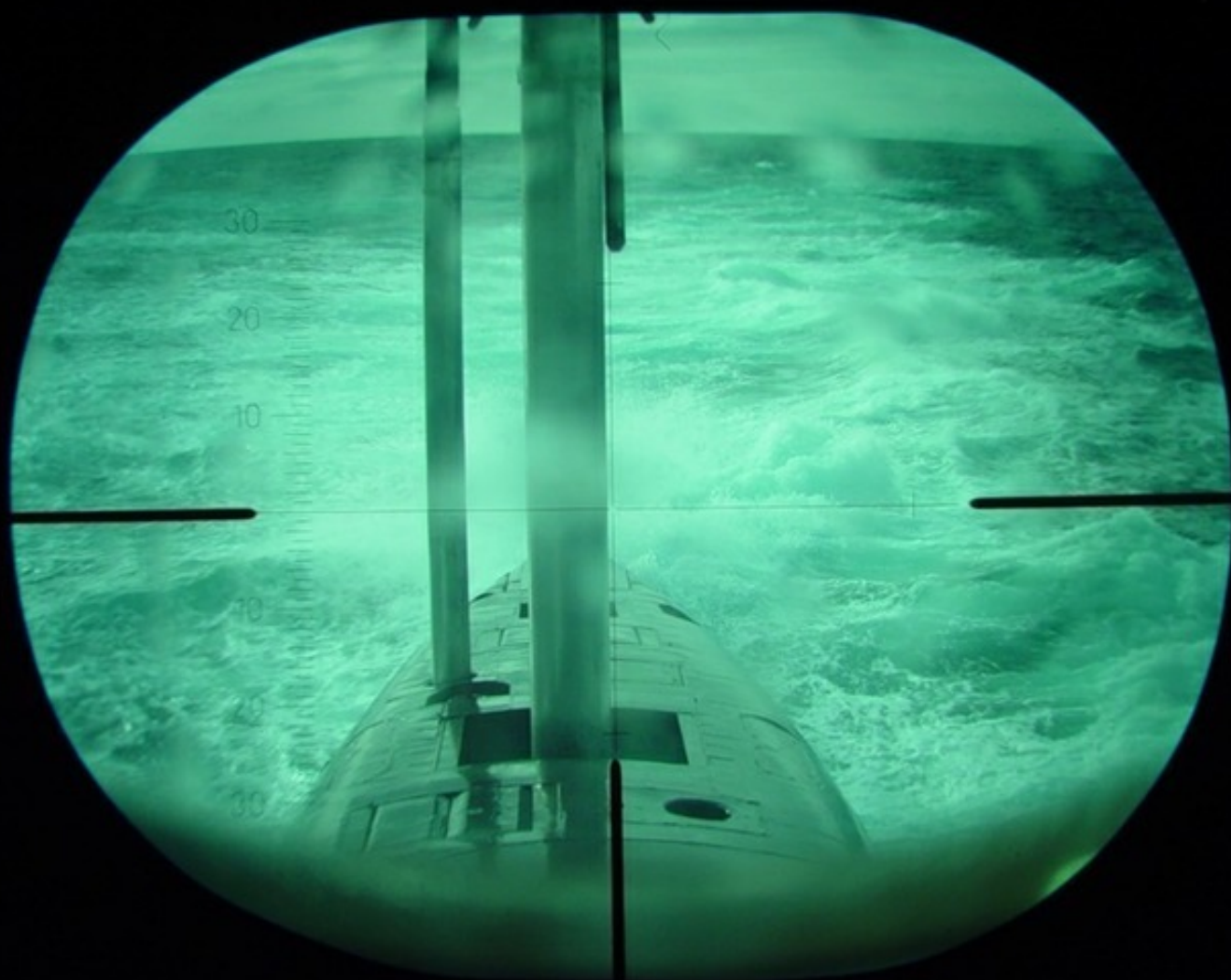

МИХАИЛ ГРИШКЕЕВ
(ЯРОШ-БАРСКИЙ)

Предел Прочности

Михаил Гришкеев (Ярош-Барский)

**Предел прочности. Трагедия
АПРК СН к-141 «КУРСК»**

«Издательские решения»

Гришкеев (Ярош-Барский) М. А.

Предел прочности. Трагедия АПРК СН к-141 «КУРСК» /
М. А. Гришкеев (Ярош-Барский) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909068-3

Трагедия подводной лодки «КУРСК» затронула всех жителей планеты. Автор в непривычном жанре драматургии приглашает читателей погрузиться на самое дно и в самое пекло этой истории. И лично узнать об истинных причинах трагедии. М. А. Гришкеев (Ярош-Барский), будучи профессиональным режиссером, в одиночку снял фильм «Знак Бесконечности». Это история экипажа «Курска», рассказанная глазами пса Брига. Так что читатель может впоследствии оказаться зрителем.

ISBN 978-5-44-909068-3

© Гришкеев (Ярош-Барский) М. А.

© Издательские решения

Содержание

Действующие лица*	6
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	8
СЦЕНА 1	8
СЦЕНА 2	11
СЦЕНА 3	16
СЦЕНА 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Предел прочности Трагедия АПРК СН к-141 «КУРСК»

**Михаил Анатольевич
Гришкеев (Ярош-Барский)**

Femme de marin – Femme de chardin

Жена моряка – Жена печали (фр. поговорка)

© Михаил Анатольевич Гришкеев (Ярош-Барский), 2018

ISBN 978-5-4490-9068-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица*

Лячин Геннадий Петрович, капитан 1 ранга, командир АПРК СН «Курск»

Ирина Юрьевна, его жена

Колесников Дмитрий, капитан – лейтенант, командир трюмной группы дивизиона движения

Ольга, его жена

Ирина Иннокентьевна, мама Дмитрия

Аряпов Рашид, капитан-лейтенант, командир дивизиона движения

Халима, его жена

Садиллин Сергей, капитан – лейтенант, инженер группы дистанционного управления (первый)

Евгения, его невеста

Тетя Шура, мама Сергея

Барашкин Андрей, старший лейтенант, инженер группы дистанционного управления (второй)

Марина, его жена

Беляев Анатолий Николаевич, старший мичман, старший кок (инструктор)

Галина Дмитриевна, его жена

Рогов Александр, старший мичман

Коркин Алексей, матрос, спец. трюмный

Некрасов Алексей, матрос, турбинист

Мартынов Роман, матрос, турбинист

Никита, его брат

Вера Серафимовна, мама Романа

Гаджиев Мамед, служащий завода «Дагдизель»

Багрянцев Владимир Тихонович, капитан 1 ранга, начальник штаба 7 дивизии подводных лодок

Наташа, Люба – жены подводников АПРК СН «Курск»

Майнагашев Вячеслав, главный старшина к/с

Ишмуратов Фанис Маликович, мичман

Налетов Илья, матрос

Сидюхин Виктор, матрос

Садовой Владимир, старшина 2 статьи к/с

Гесслер Роберт, главный старшина к/с

Аникиев Роман, старшина 2 статьи к/с

Кузнецов Виктор, мичман

Кубиков Роман, матрос

Борисов Андрей Михайлович, старший мичман

Борисов Юрий, матрос

Козадеров Владимир, старший мичман

Бочков Михаил, мичман

Леонов Дмитрий, старшина 2 статьи к/с

Зубайдуллин Ришат, главный старшина к/с

Неустроев Александр, главный старшина к/с

Мичман

Главком ВМФ

Командующий СФ

Председатель комиссии по расследованию причин аварии на АПРК СН «Курск»
Матросы, офицеры, корреспонденты, врачи, родственники членов экипажа
АПРК СН «Курск»

*К сожалению, объем драматического произведения не позволяет рассказать о каждом из моряков – подводников. Поэтому к характерам и поступкам главных героев добавлены детали жизненных обстоятельств их товарищей и сослуживцев. В связи с этим изменены некоторые биографические данные и фамилии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

Гарнизон Видяево. Квартира Лячиных. На столе сушатся хрустальные бокалы. Ирина заканчивает уборку. Из ванной комнаты доносится шум воды.

Голос Геннадия. Ира!..

Ирина вздрагивает. Появляется Геннадий.

Ирина. Ты что? Испугал.

Лячин. Скажи, на счастье!

Ирина. Разбил что-то?

Геннадий показывает расколотую цветочную вазу.

Лячин. Выскользнула зараза.

Ирина. Ну, вот. Куда я теперь буду букеты поклонников ставить?

Лячин. И много поклонников?

Ирина. Один. Неуклюжий, но зато постоянный.

Лячин. И не надоел еще?

Ирина. Выкинь вазу. Много еще осталось?

Лячин. Фужеры для шампанского.

Ирина. Я домою...

Лячин. Ты чего? Ир, извини, я знаю, что она была твоей любимой. Я склею или, хочешь, похожую купим.

Ирина. Гена-Гена – ты крокодил...

Лячин. Я же ненадолго. Три дня, на четвертый...

Ирина. Забыла сказать, вчера Глеб забегал, тебя, как всегда, не было дома... Я до сих пор не могу привыкнуть. Ладно осенью, там дела, у Даши школа... А в промежутках лета, до отпуска и после, я не знаю, куда себя деть. Ты не берешь Глеба с собой на учения?

Лячин. Не получится.

Ирина. Я у тебя какая-то некомандирская жена.

Лячин. Ничего, скоро Дашутка вернется с каникул.

Ирина. Да ты у меня весь мокрый. Переоденься.

Лячин. Так высохну.

Ирина. Ген, помнишь Любу, мою одноклассницу?

Лячин. А! Любку Заморину.

Ирина. Была Заморина, стала Золотнова. Встретились с ней в Волгограде. Она меня спрашивает, ну, как вы там живете? Я ей говорю, приезжай – увидишь. Это надо собственными глазами увидеть, Россия, – говорю, – начинается с Видяево... А она, наверное, подумала, что у нас тут богатства несметные.

Лячин. Зато у нас ЗАТО и Северное сияние. И, вообще, холода явление временное.

Ирина. По-моему, бесконечное. Дожди, град, ветер – первая неделя августа... Ген, выключи пока воду.

Геннадий выходит из комнаты.

Ирина. И поставь чайник. Может, поужинаем?

Голос Геннадия. Рано еще. Я не хочу.

Ирина (*тихо*). А я хочу.

Голос Геннадия. Что?

Ирина. Я говорю. это обязательно надо было свои учения проводить, когда у нас юбилей!

Появляется Геннадий.

Ирина. Чего улыбаешься, двоеженец?

Лячин. Почему двоеженец?

Ирина. Почему, почему... Потому что у тебя лодка – старшая жена.

Лячин. Зато ты – любимая. (*целует ее*)

Ирина. Ладно, не подлизывайся.

Лячин. Железо ржавеет, а любовь – нет.

Ирина. Любимая кушать хочет.

Ирина идет на кухню, берет яблоко, возвращается.

Ирина (*надкусывая яблоко*). Mamочки мои, двадцать пять лет. И это только официально...

Лячин. А с тех пор, как ты меня огрела портфелем на катке, и я сразу же влюбился, прошло более тридцати лет.

Ирина. Ну, считай. я была в восьмом, ты в седьмом...

Лячин. Да. Мне было четырнадцать, тебе – пятнадцать...

Ирина. Ой, не надо. Господи, пятнадцать, как Даше. Mamочка...

Лячин. Слушай, за Дарьей никто не ухаживает?

Ирина. Что ты, женихов хоть отбавляй.

Лячин. Успокоила! Всех ко мне, я устрою им курс молодого бойца.

Ирина. Курс молодого бойца. А сам-то, сам-то... Целовать меня в подъезде не боялся? Вдруг отец выйдет?..

Лячин. Не боялся, потому что любил.

Ирина. Еще немного, и Глеб – лейтенант. Еще год, и Даша – студентка...

Лячин. Осенью последний поход, и тапочки подводника – в море.

Ирина. Станем пенсионерами, картошку будем копать, детей ждать, внуков нянчить...

Лячин. Может, все-таки кафе снимем?

Ирина. Лучше дома.

Лячин. Возни много.

Ирина. Ты же поможешь.

Лячин. Разве что – морально.

Ирина. Ладно тебе, ты всегда все успеваешь. И на лодку, и в штаб, и обед приготовить, и детей накормить, и меня. Кстати, ты как хочешь, а я...

Лячин. Борщ?

Ирина. Борщ.

Звонит телефон. Геннадий берет трубку. Ирина выходит из комнаты.

Лячин *(по телефону)*. Алло... Да... Так... Так... Кто?.. Понятно!.. Колесников где?.. Так... Сейчас буду! *(вешает трубку)*

Ирина *(заглядывая в комнату)*. Ты уходишь?

Лячин *(переодеваясь)*. Да.

Ирина. Что-нибудь случилось?

Лячин. Нет.

Ирина. Ты еще забежишь домой?

Лячин. Поздно вечером.

Ирина. Значит, под утро... Поешь?

Лячин. Нет, сама поешь.

Ирина. Аппетит пропал.

Геннадий переодевается. Ирина стоит, смотрит.

Лячин. Всплыли мы в Атлантике. темно... звезды... тишина... Куришь и молчишь, и, кажется, рядом с тобой курит и молчит Бог.

Ирина. Бог не курит.

Лячин. А я курю.

Ирина. Ну ладно... С другими женщинами не заигрывай и пей только воду.

Геннадий берет разбитую вазу.

Ирина. Зачем?

Лячин. Выкину по дороге. Ладно. Не прощаемся.

Целуют друг друга в щеки. Лячин открывает входную дверь. Выходит. Вдруг останавливается.

Лячин. Выйди-ка сюда.

Ирина выходит на лестничную площадку. Геннадий обнимает ее и крепко целует.

Ирина. Целуешь меня в подъезде.

Лячин. Я все еще тебя люблю.

Ирина. Это сотрясение мозга от удара портфелем.

Геннадий прижимает Ирину к себе, целует ее волосы и, не оборачиваясь, уходит. Ирина стоит и долго смотрит ему вслед.

СЦЕНА 2

Гарнизон Видяево. Квартира Колесникова. Почти всю комнату занимает длинный стол. Тетя Шура накрывает на него. Но в данный момент она возится на кухне. Скрип входной двери. Появляется Дмитрий Колесников.

Голос тети Шуры. Митька, ну ты чего?!

Колесников. Чего?

Голос тети Шуры. Ну ты даешь!

Колесников. Теть Шур, что случилось?

Голос тети Шуры. Развел у себя террариум. Собралась пироги печь...

Появляется тетя Шура. На голове у нее капустный лист.

Колесников. Теть Шур, вам очень идет ваша кепи.

Тетя Шура. Ой-ой-ой! Как смешно! Лишь бы поиздеваться над старой обмороженной женщиной.

Колесников. Я вполне серьезно.

Тетя Шура. Я для него тут стараюсь, лоб себе расшибаю, а он...

Колесников. Вы что головой ударились?

Тетя Шура. Смейся, смейся. Я тут болею, температура. сорок семь и три, давление заскакивает... А он гогочет! Иди в душ, чтоб глаза мои тебя не видели.

Колесников. Кипяток дали?

Тетя Шура. Я тебе нагрела.

Колесников. Обещали дать.

Тетя Шура (*ворчит*). Обещали, обещали...

Колесников. Теть Шур...

Тетя Шура. Отвали.

Колесников. Александра Петровна...

Тетя Шура. Отстань... Иди мойся, именинничек.

Колесников. У меня тоже что-то голова разболелась.

Тетя Шура. Вот! Наверное, из-за погоды, давление скакнуло. А у меня, как голова заболит. Я лист капустный отодрала и надела. Народный рецепт. Вся боль в капусту и уходит.

Колесников. Может нам немного...

Тетя Шура. А у тебя есть?

Колесников. А что не нашли?

Тетя Шура. Ну, тебя. Знаешь, Дима, я и так судьбой обижена, еще, вот, твои выходки терпеть. Развел у себя пауков. А ты не подумал, что у меня может быть арахнофобия...

Колесников. А что это у вас?

Тетя Шура. Где?

Колесников. Вот, что-то красное на руке.

Тетя Шура. Да где?!

Колесников. Надо спиртом смазать.

Смеется. Уходит.

Тетя Шура (*ему вслед*). Злыдень!

Митя возвращается с початой бутылкой водки. Берет две рюмки, разливает. Взгляд тети Шуры теплеет.

Тетя Шура. За тебя, новорождённый!

Выпивают. Тетя Шура закусывает капустным листом.

Колесников. Рассказывайте.

Тетя Шура. Что рассказывать?

Колесников. Где на вас набросились пауки.

Тетя Шура. Из-под ванной.

Колесников. Первый раз слышу, чтобы в ванной пекли пироги.

Тетя Шура. Какие пироги?

Колесников. Вы же сами сказали. собралась печь пироги, а тут паук набросился из теста.

Тетя Шура. Тебе, Митя, следователем работать. А, может, ну их, эти пироги. Возни много, а времени нет.

Колесников. Ну их! (*доверительно*) А в ванной я больше не прячу. Теперь в прихожей, в кладовке.

Тетя Шура. А я и не сообразила.

Смеются. Митя наливает еще. Выпивают.

Колесников. Влетит мне от Сереги.

Тетя Шура. А он когда придет?

Колесников. Скоро. Они все вместе придут. Погода какая-то непраздничная.

Тетя Шура. Митенька, я, вот, стол поставила, скатерть постелила, стулья наши принесла, картошку сварила, салаты понастряпала. «винегрет», «селедка под шубой», «крабовый» из «палочек», «любовницу» и этот, твой любимый, – «зимний» – «мясной» – «де беф» – «оливье». Короче говоря, вахту сдал – вахту принял – так точно!

Колесников. Спасибо. А скатерть вы из чего придумали?

Тетя Шура. Да это старые занавески. А что – красиво!

Колесников. Экзотично. Продуктов хватило? Я переоденусь.

Тетя Шура. Я не смотрю. Да, хватило. Еще остались. Колбасу и кур по закупочной у заведующей выпросила.

Колесников. Деньги...

Тетя Шура. С зарплаты отдашь, как договаривались, я же под запись брала... Чего-то ты, Митя, совсем похудел.

Колесников. Ага, подглядываете!

Тетя Шура. Да не смотрю я. И так видно. Я когда в госпитале работала, насмотрелась на вас, мужиков. Все у всех одинаковое, просто у кого-то достоинство есть, а у кого-то – нет.

Колесников. Здесь, пожалуйста, поподробнее.

Тетя Шура. Тьфу ты! Я ни это хотела сказать... А, вообще, это не дело. она там, в Питере своем, а ты...

Колесников. А я в душе.

Уходит. Тетя Шура провожает его взглядом, поворачивается к столу, но бутылки на нем не застаёт. Она заглядывает под стол. Там нет. Она прислушивается. Услышав звук воды, потихоньку идет в прихожую. Слышен грохот и звон пустых бутылок.

Тетя Шура. Вот паразит!

Из ванной комнаты доносится хохот. Слышна возня в коридоре. Затем появляется тетя Шура. Вскоре в комнату входит Колесников в полотенце. Он смеется.

Тетя Шура. Совсем с ума сошел! Вы, со своим подводным юмором, скоро окончательно меня доканаете! Чуть коньки не отбросила под твоим хламом! Чего ты ржешь?!

Колесников. Представил вас на коньках.

Тетя Шура. Я тут умираю, а он от смеха давится. Между прочим, я в молодости хорошо на коньках каталась! Смейся, смейся, я все Ольге твоей напишу, как ты тут дурью маешься, пусть приезжает и лечит тебя.

Колесников. Теть Шур, простите.

Тетя Шура. Сердце аж закололо.

Колесников. Может вам валерьянки накапать?

Тетя Шура. Водки мне накапай, изверг!

Колесников. Главная заповедь советско-российского подводника. прячь все на видном месте.

Тетя Шура. Не томи.

Митя открывает рядом стоящую тумбочку. В ней рядком стоят бутылки.

Тетя Шура. Сейчас умру! Где начатая?

Колесников. Алле-оп!

Достает из-под дивана. Наливает. Тетя Шура тут же выпивает свою рюмку.

Тетя Шура. Между первой и второй...

Колесников. Какой «первой»?!

Тетя Шура. Между первой и последней промежутка нет совсем.

Выпивает и рюмку Колесникова.

Колесников. Так! Серега меня точно накроет медным тазом.

Тетя Шура. Серега, Серега... Да ну его!.. Связался с этой... и совсем другой стал. Не разговаривает, чего не спросишь, только бурчит в ответ.

Колесников. Это его личное дело.

Тетя Шура. Личное! Мать – это тоже личное дело! Вот ты, выбрал в жены учительницу, а он – что?!

Колесников. Но ведь вы – тоже продавец.

Тетя Шура. Не всю жизнь я продавцом была. Я в школе детей «химии» учила! А она сразу продавцом, а это на всю жизнь! Я-то знаю.

Колесников. Смотрю, вы бананы купили...

Тетя Шура. Да, а что?

Колесников. Вы разве не знаете?

Тетя Шура. Что?..

Колесников. Об этом во всех газетах и по телевизору.

Тетя Шура. Да о чем? Ничего я не знаю.

Колесников. Вы не читали про банановых блох?!

Тетя Шура. Это еще что такое?

Колесников. Вы обезьян видели?

Тетя Шура. Да.

Колесников. Ну?

Тетя Шура. Ну, я разных видела. макак, шимпанзе – в зоопарке, а горилл – только по телевизору.

Колесников. И?

Тетя Шура. И?.. Чешутся!

Колесников. Вот именно! Они же постоянно друг у дружки блох едят. Так вот, они же, как собаки бродячие, – только по деревьям лазают. Вот и перезаражали все пальмы и бананы.

Тетя Шура. Вот я, лично, никогда не верила, что мы от блохастых обезьян произошли.

Колесников. Много заплатили?

Тетя Шура. Я же говорю, все под запись брала. Надо их, на всякий пожарный, на кухню убрать.

Уносит бананы.

Тетя Шура (*с кухни*). А у нас целая партия пришла.

Колесников. На них потемнения есть?

Тетя Шура (*с кухни*). Какие потемнения?

Колесников. Вроде синяков банановых.

Тетя Шура (*входя*). Есть. Так это же от ударов.

Колесников. От укусов. У вас, когда комар кусает, остается покраснение. А банан, он же желтый, он не краснеет – он темнеет, а потом сгнивает. Короче,дохнут бананы, как мухи.

Тетя Шура. А может, ты врешь? Они всегда с червоточинами к нам поступают.

Колесников. А вы думаете, откуда столько перхоти у людей. Им товар сбывать надо. Мы, русские, все съедим. Я вам более того скажу. по всему Северному флоту отдельный банановый приказ вышел. Ни на подводные лодки, ни на Авианосец, ни в столовые, ни куда! От них могут апельсины заразиться, а от апельсинов – матросы, от матросов – офицеры, а там – командиры. Боятся, как бы сам Главнокомандующий чего не подхватил! В общем, ждите бананового карантина.

Тетя Шура. Почему Дарвина не расстреляли?

Колесников. Потому что Дарвин был обезьяной.

Сидят. Молчат.

Тетя Шура. Ты в чем будешь?

Колесников. Как обычно.

Тетя Шура. В форме? День Рождения все-таки. У тебя такой красивый галстук есть.

Колесников. Зеленый.

Тетя Шура. Мальчик мой, одежда украшает даже манекен.

Колесников. А форма – даже мичмана. Мужики тоже все, после службы...

Тетя Шура. В форме, как в смокинге, либо обретаешь свою индивидуальность, либо расстаешься с ней навсегда... Зачем ты про мичманов...

Колесников. Извините, тетя Шур. Это просто глупая шутка.

Тетя Шура. Ну вот, вспомнила...

Колесников (*обнимает ее*). Тетя Шур, не надо.

Тетя Шура. Извини... Все... Я не подлежу ремонту. Пора в утиль, на металлолом. Столько лет рубка об рубку с подводным флотом, так прикипела к железу, что уже ни за что не отпаяешь.

Колесников. А мы вас на судоремонтный. Там и не такое видали.

Тетя Шура. Когда ты повзрослеешь, засранец.

Колесников. Сегодня, тетя Шур, сегодня. А что пахнет, я вроде мылся.

Тетя Шура. Уйди, живодер.

Колесников. Слушайте, а действительно пахнет.

Тетя Шура. Ой! Курица! Расстроил меня, я курицу передушила.

Убегает.

Колесников. Что сделала?..

Голос тети Шуры. Да ну тебя!

Колесников (*кричит*). Жареная курица невкусной не бывает! Сильно?!

Голос тети Шуры. Ничего, жить будет!

Звонок в дверь.

Голос тети Шуры. Переодевайся, я открою!

СЦЕНА 3

Квартира Колесникова. Тетя Шура открывает дверь. Появляются гости.

Голоса в коридоре.

- О!!! Теть Шур! Хорошо, что вы...
- Здравствуйте, тетя Шура! А где новорожденный?..
- Девочки, отвлеките Димку...
- Теть Шур, место в холодильнике имеется?..
- Дим! Я притащил магнитофон и гитару!..

Митя застегивает форменную рубашку. Надевает зеленый галстук. Тут в комнату заглядывает Галина Дмитриевна.

Галина Дмитриевна. Девочки, мы опоздали, он уже оделся!

Колесников. Здравствуйте, Галина Дмитриевна.

Галина Дмитриевна. Какой роскошный мужчина в зеленом галстуке! Дай, я тебя расцелую!

Входят Халима и Марина.

Халима. Галя, вы нам чуть-чуть оставьте.

Колесников. Привет, Халима... Марина...

Марина. С Днем рождения, Митя!

Подходят, целуют именинника. Появляется тетя Шура, за ней и мужчины.

Тетя Шура. Раз тебя все целуют, то и я тебя чмокну!

Беляев. По-моему нас здесь не ждали.

Рогов. Ага... Весь в слезах и в губной помаде.

Аряпов. Хотели мы тебе, Дмитрий Романович, подарок поднести. Но, ввиду последних событий, это совершенно исключено.

Мужчины делают вид, что собираются уходить.

Галина Дмитриевна. Девочки, нас ревнуют!

Колесников. Мужики, вы куда?

Рогов. Знаешь, Митя, мы думали ты... а ты...

Аряпов. Еще зеленый галстук надел.

Колесников. Мужики, может мировую?.. Жаждоутоляющую...

Беляев. Жаждоутоляющую, говоришь...

Рогов. Что-то в горле пересохло...

Аряпов. Теть Шуру жалко. Она старалась, готовила...

Беляев. Да. Теть Шуру обижать не хочется...

Галина Дмитриевна. Так-так...

Халима. Как нас мало ценят...

Галина Дмитриевна. Ничего, девочки, праздник портить не будем. Вот, послезавтра, уйдут на учения, мы свое восполним!

Халима. И пусть ваша похмельная рука не умоляет о стакане с водой, она его не получит.

Колесников. Так, хорош! Это все от голода. Давайте проходите, рассаживайтесь.

Беляев. Ладно, так и быть. Вручить засранцу и бабнику...

Колесников. Это две вещи несовместные. Это – во-первых. А во-вторых, кто-то меня уже так называл...

Тетя Шура. Митенька, я любя.

Беляев. Засранцу и бабнику, бессовестной личности с рыжим прошлым и светлым будущим. Короче, нашему дорогому товарищу, отличному подводнику...

Рогов. Каплею...

Беляев. ... Капитан-лейтенанту Колесникову Дмитрию Романовичу вручить подарок!

Аряпов. Секундочку...

Рашид и Саша выходят.

Марина. Приз в студию!

Мужчины вносят сферический аквариум.

Колесников. Ну вы даете!.. Как вы его дотащили?!

Марина. Давайте его на стол поставим. Рашид, Саша, ставьте сюда.

Аквариум ставят на стол.

Колесников. Огромное спасибо! (*благодарит всех*) А теперь, наконец, прошу садиться!

Все рассаживаются.

Марина. Я к имениннику!

Женщины раскладывают салаты. Мужчины разливают спиртные напитки.

Колесников. А Серега где?

Аряпов. Они с Мамедом позже подойдут.

Тетя Шура. С каким еще Мамедом?

Беляев. Теть Шур, не волнуйтесь, он в надежных руках.

Марина. Какая красота, тетя Шур!

Галина Дмитриевна. И никто с начала Мира не видал такого пира!

Тетя Шура. Ну что вы. Вот, что успела.

Халима. Теть Шур, мы бы помогли.

Тетя Шура. Нет, Халима. Хозяйка на кухне должна быть одна! Я почти всю жизнь сама... И сына вырастила... И привыкла уже так. Мне вот любопытно мнение нашего спеца.

Беляев. Теть Шур, вы же знаете, я на берегу практически не ем, не могу.

Тетя Шура. А шашлыки?

Беляев. Шашлыки – другое дело. Они на природе. Но что-то мы отвлеклись.

Рогов. Сейчас-сейчас, я еще не все рюмки обслужил.

Тетя Шура. Галина, ты ему положи «любовницу».

Беляев. Не надо. У меня от этой «любовницы» растут «смоковницы».

Тетя Шура. Это ничего. Все на флоте начинается с галюна, все им и заканчивается.

Галина Дмитриевна. Всем приятного аппетита!

Марина. Пока мужчины ухаживают за нашими бокалами, я поясню смысл подарка. Митя! Во-первых, почему аквариум? Потому что вся наша жизнь зародилась в воде. Почему сферической формы? Это олицетворяет вашу семейную планету...

Рогов. Гармонию.

Марина. Да-да, гармонию. А эти рыбки, ты уже конечно догадываешься, – ты и Оля! Мы с девочками хотели купить «золотых», но Рашид сказал, что тебе нравятся скалярии...

Колесников. Ничего не утаишь.

Марина. Вот тебе бархатные скалярии! Замок – это ваш дом и уют! Зеленые водоросли – достаток! В общем, чтоб все у тебя, Митя, было хорошо! И в жизни, и в семье, и на службе! За тебя! Ура!

Звон рюмок и бокалов. Выпивают. Небольшое затишье.

Халима. Я хочу от женской части населения нашего стола сказать...

Рогов. Понеслось!

Галина Дмитриевна. Несутся куры.

Беляев. Нам сегодня дадут сказать.

Галина Дмитриевна. Кто не успел, тот опоздал!

Халима. Мы, как украшение сегодняшнего праздника и, вообще, всей вашей жизни, дорогие наши мужчины... Тише, тише, я только начала. Хотим поднять эти бокалы не за тебя, Дима...

Колесников. Я так и думал.

Халима. ... А за твою маму! Я, как будущая мама, уже сейчас в полной мере ощущаю, как ей было нелегко...

Тетя Шура. Попробуй вырасти такого оболтуса. Еще, чтоб человеком стал. Я своему говорила. вырастешь, Сереженька, Генсеком станешь, покажешь им всем кузькину мать!..

Галина Дмитриевна. Теть Шур...

Все смеются.

Тетя Шура. Молчу-молчу.

Халима. Кто, как ни мамы наши, всегда рядом и в горе, и в радости... И отцы, конечно, тоже. В общем, за наших...

Галина Дмитриевна. За Диминых.

Халима. Ой, извините! За маму твою и за отца! За твоих...

Колесников. И за ваших.

Халима. За родителей!

Все чокаются. Выпивают. И опять затишье.

Тетя Шура. Ну что?

Рогов. Обьединье!

Рашид. Домашняя кухня создает особый уют для пищеварения. Правда, дядь Толь?

Беляев. В море все нормально, а на берегу – одно расстройство.

Галина Дмитриевна. Толя, ты опять начинаешь!

Беляев. Это – эти вот, паразиты. Издеваются. Я вас, между прочим, тоже не одними макаронами кормлю.

Колесников. Дядь Толь, в море вам равных нет, но на берегу...

Рогов. Хорошо бы на зеленую сходить!

Аряпов. Позагорать под грибным снегом.

Беляев. Да! Погодка не шашлычная.

Марина. Такая «селедка под шубой» вкусная! Я толстею!

Тетя Шура. Тут, Мариночка, секрет есть. Тут не просто селедка! А «золотая» селедочка. Я ее в горчичном соусе выдержала.

Рогов. А я на «любовницу» насел.

Галина Дмитриевна. Наседают куры на яйца.

Рогов. Галина Дмитриевна, что вы меня сегодня курами!..

Тетя Шура. Кстати, там еще курица в духовке.

Халима. Опять с каким-нибудь сюрпризом?

Тетя Шура. В майонезе, натертая мускатным орешком и чесночком, а внутри лимончик! Принести?

Халима. Теть Шур, потом.

Тетя Шура. Пока не забыла, вы, когда курицу будете есть, косточки сильно не обгладывайте и не выбрасывайте. Я их сложу...

Рогов. И закопаю. И вырастет на том месте дерево...

Тетя Шура. Митя их потом Бригу отнесет.

Рогов. Комбригу.

Все смеются.

Рогов. Нет, Бриг, все-таки псина умная. Как он чует? Мы в море, и он приходит нас проводить.

Халима. Когда вы возвращаетесь, он тоже всегда вместе с нами приходит на ваш восьмой причал.

Беляев (*поднимаясь*). Вот! Даже собаки понимают всю важность и необходимость нашей работы! Теперь, по флотской традиции, как вы понимаете, третий тост. За тех, кто в море!

Мужчины поднимаются.

Рогов. На вахте и гауптвахте!

Беляев. За тех, кто в море! За тех, кто хочет в море!

Аряпов. И пусть им всем повезет!

Выпивают.

Рогов. Дим, а брательник где?

Колесников. Санька застрял на «Данииле Московском». Они там тоже безвылазно.

Рогов. Батя хочет его к нам перетянуть.

Колесников. Теперь, наверное, только после осеннего похода.

Беляев. Опять пойдем в Средиземку. Ох, бедные-бедные наши враги.

Рогов. Такой парад затевается!

Беляев. Кстати, у Петровича ведь юбилей с Ириной Юрьевной. Двадцать пять лет – «Серебряная свадьба»! Надо будет скинуться.

Аряпов. За месяц уже говорили...

Рогов. Какой вопрос, деньги дадут – скинемся.

Галина Дмитриевна. Да уж...

Рогов. Как говориться. жуть стала лучше, жуть стала веселее!

Звонок.

Беляев. Пополнение!

Тетя Шура. Это, наверное, мой!

Колесников уходит открывать дверь.

СЦЕНА 4

В коридоре. Колесников, Сергей Садилин, Мамед Гаджиев.

Садилин. Здорово, младенец!

Колесников. Привет, Серега, давно не виделись!

Гаджиев. Здравствуйте, Дима. С Днем рождения! Это вам виноград – символ долголетия.

Колесников. Ну что вы, не надо было.

Гаджиев. У нас так не положено. В гости и без подарка.

Колесников. Проходите!

Сергей и Мамед входят в комнату.

Садилин. А вот и мы!

Рогов. Генсек пришел!

Садилин. Знакомьтесь, это Мамед, ведущий инженер и конструктор предприятия «Даг-дизель».

Марина. Очень приятно.

Гаджиев. И мне очень приятно оказаться в теплой компании.

Халима. Замерзли?

Гаджиев. Не привычно. У нас сейчас самая жара, а у вас даже снег летает.

Тетя Шура. Где вы пропадали? Уже все здесь давно!

Садилин. Мамед, это моя мама.

Тетя Шура. Александра Петровна. *(Мамед целует ей руку)* Можно Тетя Шура.

Садилин. Это Дима, Саня, дядя Толя, жена дяди Толи – Галина Дмитриевна, Рашид, Халима, его жена, и...

Марина. Марина Барашкина.

Гаджиев. Я почти всех уже знаю.

Марина. Говорят, вы родственник того самого Гаджиева?

Гаджиев. Да. У нас даже инициалы одни и те же. Он – Магомед Имадутдинович Гаджиев, а я – Мамед Исмаилович Гаджиев. Правда, я – дальний родственник. В Дагестане живут его родные братья – Булач, Курбан, Гамид. Они тоже служили на подводных лодках.

Марина. Здесь, на Севере, почти в каждом городе в честь него названы улицы, и даже гарнизон – Гаджиево.

Беляев. Извините. Саша, ты оформил «штрафные»?

Садилин. Это, мужики, бардак! Все не слава Богу. Панарин уже погибает.

Беляев. Бедный парень.

Садилин. Единственный толковый инженер группы управления Б/Ч-2, так его и дергают. Со своей лодки – к нам, после нас – еще куда-нибудь. То ракета не исправна, то борт-разъем не отходит, то весь комплекс отказывается работать, то еще какая-нибудь залипуха!

Рогов. Еще торпеду грохнули!

Галина Дмитриевна. Как грохнули?

Беляев. Молча. Как у нас все делается?! Подошли к пирсу – крана нет! Не исправен. Подали другой – нет услуги! Хай подняли – прибежали. Стали грузить – трос лопнул. Она со всего размаха на пирс! Очко у всех на ноль. Представь, минно-торпедная база!

Рогов. Еще не просто торпеды, а «толстуха».

Аряпов. Дурная торпеда. У нее в качестве окислителя пероксид углерода. Англичане их сняли с вооружения еще в пятидесятых годах.

Беляев. А мы на лодке первый раз будем стрелять. Двадцать первый век, едрен-батон!

Рогов. Хорошо, что не боевая.

Мамед. Чуть не забыл. Дима, Арнольд просил извиниться, он остался на лодке. Я его понимаю, да и вы, наверное. Он же на подводника учился, а его к нам в Дагестан. А по горам подводные лодки не ходят.

Садилин. Так, тост! Мы с Димой, с некоторых пор соседи...

Тетя Шура. Но стояки у нас разные.

Садилин. ... И соседями мы стали благодаря одной особенности. Вернее, одной особе. Помнится, кто-то любил цитировать Чехова. «В квартире порядочного человека, как на военном корабле, не должно быть ничего лишнего. ни кастрюль, ни тряпок, ни женщин».

Колесников. Так... подводники – самая читающая нация в мире.

Садилин. Но квартиры у тебя не было. Теперь она есть. Потому что у тебя, наконец, появилась жена! Жаль, что Оли сегодня нет...

Колесников. Она у мамы в Бокситогорске.

Садилин. Пусть ей там по-хорошему икнется. Мы ведь с тобой еще соседи по отсекам. Так вот. Если раньше тебя и так все любили и уважали, то сейчас, когда заходишь в седьмой отсек, там всегда светло, потому что ты весь сияешь. За твою любовь, за тебя и за Олю!

Чокаются. Выпивают.

Колесников. Не вовремя эти учения. Сегодня еще День рождения у Димки Сафонова.

Аряпов. Вряд ли он вырвется раньше полуночи.

Марина. Так у вас с ним в один день!

Колесников. Нет. У него сегодня – восьмого, а у меня – десятого августа.

Марина. Ой, а я и не знала. Ты сказал. приходи восьмого... А ничего, что раньше?

Колесников. А когда? Десятого в Западную Лицу и в море. Хорошо, что сегодня небольшой промежуток образовался.

Беляев. Блин, а не учения! Профанация сплошная. С июля начали долбать. Проверка за проверкой. Главный штаб, штаб Дивизии, штаб Флотилии, штаб Северного флота. Все шиворот-навыворот. А толку от этих проверок, только лишний расход продуктов! Командующий Дивизии в отпуске, Командующий Флотилии в отпуске, топлива у надводных кораблей в обрез. Вместо полноценных учений – «комплексная боевая подготовка» на местном уровне. Короче, хотят в отпуск сходить и учения провести!

Галина Дмитриевна. Толя, а ты что так разорешься, ты кок, готовь себе спокойно.

Беляев. Да не дают нормально День рождения человеку справиться! «Готовь себе спокойно». Ведь море начинается с берега. А на берегу что?!

Галина Дмитриевна. А на берегу мы.

Халима. Теть Шур, пора курицу...

Тетя Шура. Ага, пойдем...

Уходят.

Аряпов. Тебе, Митька, в плане Дня рождения фартит.

Колесников. И не говори. В прошлом году в Норвежском море отмечали. (Мамеду) Мужики мне футболку подарили. Написали координаты и наш «Курск» нарисовали. А на этом раз – дома, в Баренцухе.

Гаджиев. Корабль у вас красивый. Огромный такой!

Аряпов. Это вы, Мамед, только верхушку айсберга видите. Основная часть под водой. Длина – сто пятьдесят пять метров, ширина – восемнадцать, осадка в крейсерском положении на миделе – девять и три. Высота от киля до верха ограждения рубки более восемнадцати.

Беляев. Это примерно две рядом стоящие шестиэтажки.

Галина Дмитриевна. Пойду-ка я к бабам на кухню.

Уходит.

Беляев. Пусть идет. Сашка, наливай.

Рогов. У нас их называют «батонами».

Садиллин. В смысле «Антей». Классификация такая. Американцы им даже «Оскара» присудили». У них они так и числятся «Oscar».

Колесников. Да что говорить. Уникальный корабль!

Рогов. Нолито.

Беляев (*заговорчески подмигивает Марине*). Тс-с-с. Митька, за тебя!

Выпивают.

Садиллин. У натовцев такого корабля нет. Во-первых, у нас не просто подводная лодка, а атомный подводный крейсер специально-стратегического назначения – истребитель авианосцев! Ни у кого в мире нет такого корабля, совмещающего ракетное и торпедное оружие. А что это значит? Это значит, что можно поражать множество целей одновременно. наземные, подводные, надводные объекты, одиночные корабли и крупные соединения.

Беляев. Да, и для людей все сделано по уму. бассейн, сауна, солярий, спортзал...

Марина. Живой уголок.

Колесников. Жены и дети к нам на лодку, как в музей, на экскурсию ходят.

Аряпов. Запас плавучести у нас тридцать процентов, в то время как у американцев чуть более десяти. Продублирован реактор, две турбины, два винта.

Беляев. Это от гигантомании.

Колесников. Не скажи, дядь Толь. На ТОФе у них полетела одна турбина, так они на второй все задачи выполнили и благополучно вернулись на базу. Тут дело такое...

Появляются женщины.

Галина Дмитриевна. Все свою красавицу обсуждаете.

Беляев. А вы?

Галина Дмитриевна. А мы бананчиков блохастых поели.

Тетя Шура. А вот и курочка.

Халима. Теть Шур, я разрежу.

Галина Дмитриевна. Мамед, вот о нас они столько не говорят. Мы уже про лодку все наизусть выучили. Вот спросите нас о чем угодно.

Гаджиев. А почему «Курск» называется?

Галина Дмитриевна. Отвечаю. Потому что к девяностым годам, после перестройки, все, что можно уже понатырили, красть нечего стало...

Беляев. Галя, о чем ты говоришь?! Армию и флот практически перестали финансировать...

Галина Дмитриевна. Кого надо, того финансировали. Еще как! Вот. И хитроумные Адмиралы пошли просить милостыню по городам и весям.

Беляев. Шефство.

Галина Дмитриевна. Называй, как тебе нравится. Добрались и до города Курска. И в девяносто третьем в честь победы на Курской дуге присвоили АПРК СН К-141 имя этого города. Еще вопросы.

Рогов. У нас корабль освященный.

Галина Дмитриевна. Освященный, освященный, как пасхальное яичко. Курицу лучше ешь!

Рогов. Что вы меня сегодня это...

Галина Дмитриевна. Не это, а то!

Тетя Шура зевает и крестит рот.

Галина Дмитриевна. Вот еще. Чего вы рот-то крестите? Человеку необходимо дышать, зевать. Он кислород добирает недостающий.

Тетя Шура. Вот. Я очищенный и вдыхаю.

Галина Дмитриевна. Ударились все в веру, крестятся чуть чего!..

Беляев. Галочка, не надо. Ты не права.

Галина Дмитриевна. В чем я не права? В чем?! Ну, скажи!..

Беляев. Нам без Него вообще нельзя. Спущен корабль на воду – сдан Богу на руки.

Галина Дмитриевна. Все сейчас – Бог-Бог! А что Бог?! Вы, тетя Шур, всю жизнь пионерка, комсомолка, а на старости лет... Ладно, это ваше дело. Но ведь у вас американцы виноваты, чеченцы виноваты, жидомассоны, так вообще, всю Русь Святую загубили! Черных вы не любите, белых вы не любите, красных, синих, зеленых... А как же возлюби ближнего своего?! А?! То-то. Вы не Бога любите, вы свои претензии им прикрываете.

Беляев. Ты чего завелась?

Галина Дмитриевна. Да ничего! Потому что... Мамед, вы, как человек с Кавказа, расскажите нам тост.

Гаджиев. Честно говоря...

Марина. Расскажите, Мамед. Вы уедете, а мы запомним и будем друг другу рассказывать.

Мамед. Никогда не думал, что тост – это такое ответственное дело.

Тетя Шура. Извините, Мамед, как вас по батюшке?

Гаджиев. Мамед Исмаилович.

Тетя Шура. Исмаилыч, давай выпьем за дружбу народов!

Марина. Теть Шур!..

Галина Дмитриевна. Вы опять начинаете!

Тетя Шура. А что я?..

Садиллин. Мама!

Гаджиев. Тост. Это было тогда, когда Корсары покоряли моря, а моря покоряли их отважные сердца. И в этой страстной любви и борьбе корабельное дерево превращалось в щепки. И вот однажды, море опять победило. Спасся только сам Корсар. Он с трудом уже держался за обломок мачты, когда к нему подплыл Морской Царь...

Марина. Нептун.

Гаджиев. Нептун. И хотел он сказать Корсару, что оставит ему жизнь, но для того, чтобы он передал другим, впредь не беспокоить море своими кораблями. Но, как только он подплыл, моряк узнал его. И сказал Морскому Царю Корсар. Вах! Такой гость и угостить нечем! И стало стыдно Морскому Царю, что он не проявил такого радушия. И разрешил Нептун ходить кораблям по морю. Так выпьем же за дорогих хозяев, которые всегда найдут теплые слова и доброе кушанье даже для незваных гостей!

Рогов. Хорошо!

Гаджиев. За вас, Дима!

Колесников. А чего я, это все тетя Шура... Тетя Шур...

Галина Дмитриевна. Уснула... Ладно, не трогайте ее.

Халима. С утра намаялась у плиты.

Аряпов. Тост произнесен, время выпить.

Выпивают.

Галина Дмитриевна. Так. Пора танцевать.

Рогов. Дима, включай. Там уже стоит «медляк».

Колесников включает. Негромко звучит песня ВИА «Пламя» «Снегопад». Моряки приглашают женщин. Марина приглашает Мамеда. Танцуют.

...Снег кружится, летает, летает.

И, поземкою клубя,

Заметает зима, заметает

Все, что было до тебя...

Марина (Мамеду). Вы в «Урице» остановились?

Гаджиев. Да.

Марина. Как вам Видяево?

Гаджиев. Как вам сказать...

Марина. Да говорите, как есть. Я сама здесь только второй год. Я из Белгорода, у нас там сейчас тепло, красиво.

Гаджиев. Я раньше бывал в Белгороде. Меловые холмы.

Марина. У нас это – горы. Скажите, Мамед, вы на Север прибыли с секретной миссией?

Гаджиев. Что вы. Получилось все не складно. Нам прислали бумаги с указаниями одних параметров, мы привезли аккумуляторы, а они оказались велики и не вписались в положенные габариты.

Марина. А для чего аккумуляторы?

Гаджиев. А вы не шпионка?

Марина (смеется). Нет.

Гаджиев. Для торпед. Хотели заменить дорогие на дешевые.

Марина. И не получилось?

Гаджиев. Нет. Но зато удалось пробить Гос. заказ на триста торпед. А это – деньги, работа. Для нашего предприятия это очень важно. В общем, я свою миссию выполнил.

Марина. А я думала, вы пойдете на учения.

Гаджиев. Пойду.

Марина. Зачем?

Гаджиев. Понимаете... Для меня это важно.

Марина. Что-то будете испытывать?

Гаджиев. Во время боевых упражнений нельзя испытывать оружие. Я пойду, как наблюдатель, в торпедном отсеке, чтобы посмотреть на все в реальной обстановке. Это тоже важно для меня, как для конструктора.

Марина. А у вас есть дети?

Гаджиев. Две дочки. Индиана и Русана.

Марина. А как жену вашу зовут?

Гаджиев. Сафинат.

Марина. Какие имена красивые.

Музыка резко обрывается.

Рогов. Концерт аяк талды! Пленка закончилась.

Халима (*Марине и Мамеду*). О чем это вы шептались?

Марина. Я спросила, нравится ли ему Видяево, а он так и не ответил.

Галина Дмитриевна. А чего тут говорить. Три дороги. в школу, в магазин и к причалам.

Аряпов. И одна – домой.

Садиллин. Считай две улицы. Заречная и, через мост, Центральная.

Халима. А Якорная площадь? А ДОФ? Залив Ура-Губа...

Рогов. И Губа не Дура.

Марина. Саша!

Рогов. А чего «Саша»? У нас тут все есть. Полярный – Палермо, Западная Лица – Заснеженная Ницца, Видяево – Монтевидео. Короче, Мамед, у нас тут курорт. Куда там Кавказу!

Гаджиев. Детей почти не видно.

Галина Дмитриевна. Родятся мало – холодно.

Халима. В отпусках все.

Гаджиев. Мы когда подъезжали к Мурманску...

Тетя Шура (*спросонья*). Какой Мурманск?! Где Мурманск?! Я что уснула?..

Халима. Может, вы пойдете к себе, еще поспите?

Тетя Шура. Нет, хватит. Выспалась. А причем здесь Мурманск? Мурманск – это большая помойка!

Галина Дмитриевна. Там тоже люди живут.

Тетя Шура. Везде люди живут. А у нас лучше!

Галина Дмитриевна. Лучше, чем где?

Беляев. Лучше, чем в Гремихе.

Мамед. А что это?

Аряпов. Это – Гренобль!

Рогов. Если Кольский полуостров – булочка, то Гремиха – изюминка в ней.

Аряпов. От Мурманска на теплоходе ходу часов четырнадцать. Но лучше туда не попадать.

Беляев. Раньше такая база была! Новейшие модели подводных лодок. Американцы называли «осинное гнездо». Боялись. Остров расположен на стыке Белого и Баренцева морей, с сопок виден Северный Ледовитый океан. Туда даже белые медведи заплывали. Ресторан там хороший был!

Садиллин. В народе Гремиху называют «край летающих собак». Ветра сильные.

Рогов. А теперь там не то что собак, там и людей не видно. Одни тени.

Марина. Услышишь, что у кого-то хуже и вроде легче.

Беляев. Все просрали Иуды!

Халима. Мамед, вы не заметили, только на Севере люди летом ходят в разных сезонных одеждах. кто – в футболке, кто – в свитере, кто – в пуховике. Все зависит от того, в какой момент человек вышел на улицу. Погода меняется очень часто.

Марина. А вы не застали Полярный день?

Гаджиев. Наверное, нет.

Марина. А в Питере видели Белые ночи?

Гаджиев. Да.

Марина. Так вот. У них НОЧИ белые, а у нас ночью ДЕНЬ! Очень светло. Мальчишки в футбол по ночам играют.

Колесников. Видяево – это Восьмое Чудо Света. Шамбала. Ни денег, ни удобств, ни тепла, ни горячей воды! Сопки, море, бакланы, да снег.

Тетя Шура. А дома спроектированы для Юга. У меня стена на кухне покрывается льдом. В комнате всю зиму плюс два. Володя, покойный, принес «козла» – электропечку со старого железа. А она пробки выбивает.

Халима. Такое впечатление, что нас проверяют на живучесть. выживем или нет.

Тетя Шура. Раньше ЗАТО нужны были, чтобы, не дай Бог, не увидели нашу мощь, а теперь, чтобы, не дай Бог, не увидели наш позор.

Галина Дмитриевна. Человек – такая сволочь, ко всему привыкает.

Тетя Шура. Точно, Галочка. Я так приморозилась к этим казенным развалинам... Да что говорить... Вот выпьешь, и вроде тепло, и вроде лето.

Молча выпивают.

Рогов. Правительство – оно, как Бог. Его никто в глаза не видел, но все знают, что оно есть. И даже заботится о нас. Бог болезнями душу лечит, а они – нищетой. Богу – Богово, Кесарю – Кесарево. Берешь ружьишко, удочки или корзинку и вперед – еду добывать. Вот вам и двадцать первый век! Миллениум по-русски!

Садиллин. Саша...

Аряпов. Сань, хватит!

Рогов. А чего «хватит»? Ничего и нет! Пайковых за восемь месяцев – нет, зарплаты за два месяца – нет, отпускных – нет! И все хорошо, и всем хорошо! Я молчу, ты молчишь, все молчат. Нам в море легче – нас кормят. А женщины наши?! А дети?! Жена от меня ушла. Я просил ее. не уходи, подожди. А она мне. А ты знаешь, что такое ждать?!

Все молчат.

Беляев. Сань, спой. *(дает ему гитару)*

Рогов *(поет)*. Ох, щедр же ты, Земля Русская!

Аж, взреветь хочется...

Ох, и добра же ты, Матушка!

Но рыдать уже нечем нам...

Все сыны твои
по чужим землям
Ходят
да побираются.
Ну а чрево твоё
перед родами
От плода
гниет.
А мужи твои,
будто бесы все,
Веселятся
русскими душами!
Помнут, потискают;
за косу и по полу!
Черного дня
не смущаются...

Эх, Вороным да Воронам
Время теперь на Руси.
Эх, Вороным да Воронам
Землю твою крестить.

Перетоптано поле копытами,
Да не вспаханное лежит.
Эй, где же ты, богатырь – молодец,
Что Землю – матушку рассмешит!
Чтоб смеялась она и плакала
Святыми слезами любви.
Эй, где же ты, Богатырь-молодец,
Землю-матушку развесели!..
Но только тихо все...
Кони табуном
Траву чистую
Мнут и кушают.
Ну, а Воронье
В небе голубом...
Кружатся,
Пададь ждут.

Ох, и щедро же ты, Земля Русская!
И стоять тебе тысячи лет.
Ох, и добра же ты, Матушка!
А пока перерыв на обед...

Все молчат.

Тетя Шура. А все-таки люди здесь хорошие.

Беляев. Золотые люди. (*обнимает Тетю Шуру*)

Садилин. Леха Шевчук разобрал новый телевизор, чтобы отремонтировать прибор управления ракетной стрельбой.

Тетя Шура. Рашид, вы имя уже придумали?

Аряпов. Ильгиз.

Тетя Шура. А если девочка?

Колесников. Тоже Ильгиз.

Аряпов. Тетя Шура, мальчик будет.

Садилин. Рашид-лукум, может, ты тост скажешь.

Аряпов. Может и скажу. Знаете, есть такой мультфильм... раньше его часто показывали. Я не помню, как он называется. Про Ежика...

Садилин. Начало впечатляющее.

Аряпов. Суть этого мультика такова. Ежик носит с собой воду...

Садилин. Воду ли?

Аряпов. ... и все у него спрашивают. Что это? А он отвечает...

Садилин. А вы отхлебните.

Аряпов. А он отвечает, это – Море. А потом кто-то ему говорит, что в Море должны быть корабли. И пошел Ежик искать кораблики. И тут встречает он Волка. А Волк хочет чаю.

Садили́н. Логично.

Аряпов. У него есть сапог, но нет самовара.

Беляев. Это как у нас на флоте.

Марина. А зачем Волку сапог? *(все смеются)* Ну чего вы?.. Ну честное слово...

Рогов. Самовар кочегарить.

Марина. Поняла. Сначала не поняла, а сейчас поняла.

Аряпов. В общем, Волк смастерил ему кораблик. Ежик пришел к себе, залил весь дом водой; стал слушать Море и смотреть на лодочку.

Садили́н. Вот и закончилась программа «Спокойной ночи, малыши». Дети выпили и пошли спать.

Беляев. Рашид, пора тебя переводить из реакторного отсека. Радиация только на вид не заметна.

Галина Дмитриевна. Вот, значит, чем наши мужья под водой занимаются. мультики смотрят. Спасибо, Рашид, ты мне открыл глаза.

Садили́н. А к чему ты это рассказывал?

Аряпов. Это было, когда мы еще учились. Нужно было сдавать философию. Сделать, это было практически невозможно. И зачем она, вообще, нужна была никто, разумеется, не знал.

Беляев. Правильно, не нужна. Море – это уже философия. Тот Богу не молился, кто в море не бывал. Да и потом, на подводной лодке чувствуешь себя, как Диоген в бочке.

Марина *(Рашиду)*. Ну-ну! И что дальше?

Аряпов. Что! Во-первых, Митя опаздывает, а во-вторых, заходит на экзамен с ведром воды. Педагог его к себе подзывает и спрашивает.

Колесников, что это у вас?

Митя. Море.

– А почему оно такое грязное?

– Дизельное топливо, товарищ капитан второго ранга.

– Чье дизельное топливо?

– Подводных сил НАТО.

– А что оно здесь делает?

– Обделались, товарищ капитан второго ранга.

Мы в классе сидим, еле сдерживаемся. Я думаю, Митька пропал! Философ ставит ему «пять» и говорит. За правильный идеологически-философский взгляд на противостояние враждующих сторон. И тут входит молодой курсант со шваброй и спрашивает. Разрешите обратиться, вы ведра не видели? Мы – в лежку. Митя – ведро курсанту и в дверь.

Все смеются.

Аряпов. Я вам не сказал самого главного. Ежик в мультфильме был рыжим. В общем, за этого чудного и чудного Рыжего Ежика, которому даже во сне снится море!

Садили́н. Ну, ты, Рашид-рахмет, загнул!

Аряпов. А ты думал. Была бы другая голова, по-другому звали бы.

Колесников. Спасибо, Рашид! *(жмет Рашиду руку, они обнимаются)*

Садили́н. Горько!

Все смеются. Чокаются. Выпивают.

Галина Дмитриевна. Смешные вы, мужики.

Беляев. Нам, подводникам, Галочка, юмор рекомендован врачами. Лечить вас, говорят, бесполезно, так что смейтесь на здоровье!

Галина Дмитриевна. Моя бабушка всегда говорила. все военные слегка галантны и немного провинциальны. И вышла замуж за артиллериста. Моя мама утверждала. прежде, чем выйти замуж за военного, сначала надо сойти с ума. Она потеряла разум в девятнадцать лет от взгляда моего отца. Он был военным летчиком дальней авиации. А так как мне добавить ко всему перечисленному было нечего, я вышла замуж за подводника.

Беляев. И не жалеешь?

Галина Дмитриевна. И не жалею.

Беляев (*берет гитару*). Бабушке моей жены, моей бабушке, маме моей жены, моей маме, всем мамам, женам и всем женщинам нашего Скользкого полуострова посвящается! (*поет*)

Милые наши, Добрые наши, Нежные,
Вы наши дороги, земля и трава.
Мы любим вас с высоты своей грешности,
В ваших руках оставляя свои города.

Пречистые наши, Светлые наши, Красивые,
Вы соль и хлеб родной стороны.
Шлем поклон вам, Покорные и Нерадивые,
Мы – юноши, мужики, старики – пацаны.

Вздорные наши, Мудрые наши, Смелые,
В ваших глазах отражаются наши слова.
Признания робкие, шутки, стихи неумелые,
Заставляя вас верить в любви чудеса.

Веселые наши, Распутные наши, Верные,
Из дальних дорог возвращаемся к вам, в родные края,
Со щитом, без щита, с поражениями или победами,
Деды, мужья, отцы – сыновья.

Любимые наши, Любимые наши, Любимые,
Слезы и смех ваш для нас, как Святая вода.
Не прощайте ухода, но простите нам возвращение,
Ведь имя родное, как рана в груди от свинца.

Беляев. Вы уж нас простите.

Все мужчины поднимаются.

Беляев. За вас!

Мужчины выпивают стоя.

Рогов. Жаль Щавинского нет.

Беляев. Илья Вячеславович – это кладезь! (*Мамеду*) У него огромная коллекция отечественных рок-певцов, начиная с пятидесятых годов и заканчивая Гребенщиковым, Шевчуком, Кинчевым, Цоем.

Рогов. Мне очень нравится из альбома «Странные скачки» песня Высоцкого в обработке «Алисы». (*напевает*)

Я дышал синевой, белый пар выдыхал.

Он летел, становясь облаками.

Снег скрипел подо мной,

Поскрипев, затихал.

А сугробы прилечь завлекали...

Да, шило, железо и Высоцкий – это все, что мы есть. А!.. Анатолий Николаевич, алаверды. Тост вдогонку. Я предлагаю выпить за Великий Русский Народ, который выстоял при Монголо-татарском иго, который победил в Великой Отечественной Войне, который и сейчас с юмором преодолевает все трудности нашей жизни. (*поднимает рюмку*) За Великий Русский Народ! И их мужей.

Галина Дмитриевна. Сашка. Как красиво, гад, говоришь!

Рогов. Стараюсь.

Мужчины снова поднимаются. Выпивают.

Колесников. Серега, сбаци «Подводный рок-н-ролл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.